

НОВЫЕ КНИГИ

Д. Е. Шестаков

О неравенстве исходов¹

Рецензия на книгу: Пикетти Т. 2015. *Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem (пер. с англ.: Piketty T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press).

ШЕСТАКОВ Даниил Евгеньевич — экономист I категории департамента денежно-кредитной политики Банка России. Адрес: Россия, 107016, г. Москва, Неглинная ул., д. 12.

Email: shestakovde@cbr.ru

Выход книги Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» на русском языке стал большим событием и вместе с тем поводом обсудить основные выводы этой книги и выводы её критиков. Пикетти описывает эволюцию неравенства доходов и имущества (капитала) на протяжении последних двух столетий в развитых странах и обнаруживает, что, вопреки господствовавшим ранее теориям, неравенство развивается по кривой в форме буквы U, при этом минимальное неравенство наблюдалось в три послевоенных десятилетия. Пикетти утверждает, что капитализм предрасположен к росту неравенства из-за того, что автор называет фундаментальными законами капитализма. Наиболее важный из законов — третий — гласит, что неравенство будет расти тогда, когда доходность капитала (r) выше темпов роста экономики (g). Хотя приведённые в книге Пикетти данные, очевидно, представляют собой наиболее точное описание эволюции неравенства, предложенная им теория была встречена неблагоприятно. В частности, утверждалось, что фундаментальные законы капитализма Пикетти не являются законами, а третий из них вообще неверен в том смысле, что выполнения условия $r > g$ недостаточно для увеличения неравенства доходов. В рецензии также обсуждаются истоки научного видения Пикетти, которое многим обязано двум парадигмам в общественных науках — клиометрике (особенно её версии, известной как история серий) и аналитическому марксизму. Рассмотрение этих двух парадигм поможет нам увидеть книгу Пикетти не как изолированный феномен, но вписать её в контекст развития социальных наук второй половины XX века.

Ключевые слова: неравенство; аналитический марксизм; клиометрика; экономическая история; перераспределение; большая длительность.

Книга «Капитал в XXI веке» едва ли нуждается в представлении. То, что академический труд, шесть сотен страниц которого заполнены цифрами экономической статистики, стал международным бестселлером (за два года продано 1,5 млн копий на нескольких языках; тираж первого русского издания — 7000 экземпляров — уже почти раскуплен, готовится второе издание), может удивить только поначалу. Книга Пикетти посвящена проблеме неравенства, а это вопрос политический, волнующий людей. В то же время автор книги — не политик, а известный учёный. Книгу Пикетти покупают,

¹ Содержание настоящей статьи выражает личную позицию автора и может не совпадать с официальной позицией Банка России. Банк России не несёт ответственности за содержание статьи.

потому что она обещает рассказать *правду* об эволюции неравенства в западных обществах. И выполняет своё обещание.

Но людям всегда хочется большего! Разочарование — вот обычная реакция многих из неподготовленных (и некоторых подготовленных) читателей. Разочарованные делятся на несколько групп. Левых Пикетти разочаровал тем, что назвал свою книгу «Капитал в XXI веке», но «Капитал» Маркса не превзошёл, не переписал своими словами (что популярно среди левых) и даже, по собственному признанию, полностью не прочитал. Правых Пикетти разочаровал своими предложениями по перераспределению дохода: не прекращаются попытки доказать, что Пикетти всё посчитал неправильно, и неравенство вовсе не так велико. Экономистов-теоретиков Пикетти разочаровал полным пренебрежением к макроэкономике: представленные в книге «фундаментальные законы капитализма» либо являются математическими тождествами, либо, как закон, выраженный знаменитой формулой $r > g$, попросту неверны. Обычных читателей Пикетти разочаровал тем, что «каждый образованный человек» книгу теперь обязан прочитать, а неспециалисту она интересна примерно так же, как статистический справочник. Довольны, кажется, только экономические историки: впервые книга по экономической истории стала так популярна.

Выход русского перевода книги осенью 2015 г., когда западные академические баталии вокруг неё в основном улеглись, вызывает необходимость осмотреть пейзаж после битвы. В этой рецензии мне хотелось бы не столько изложить основные тезисы Пикетти, сколько обозначить основные точки напряжения в его книге, а также развенчать популярные мифы. В России у Пикетти есть преимущество позднего старта: мы знаем, что писали о Пикетти; знаем, что из этого неправда, а что заслуживает внимания. Каталогизировать эти моменты — первая цель рецензии. Вторая цель — показать истоки «Капитала в XXI веке». Я утверждаю, что две различные традиции сделали работу Пикетти возможной — клиометрика и аналитический марксизм. Рассмотрение этих двух парадигм поможет нам увидеть книгу Пикетти не как изолированный феномен, но вписать его в контекст развития социальных наук второй половины XX века.

О чём книга?

Книга «Капитал в XXI веке» посвящена вопросам «динамики распределения доходов и имущества, начиная с XVIII века» (с. 585). Под доходом понимается *поток* денежных средств за какой-то период времени (обычно за год); вы можете получать как доход от трудовой деятельности, так и доход с капитала (который включает землю, недвижимость, финансы и промышленное производство). В отличие от дохода, имущество — это не поток, а *запас*. Разумно предположить, что богатые тратят меньшую долю своего дохода, так что из года в год их больший доход будет приводить к большему накоплению имущества, то есть того же капитала. Мы ожидаем поэтому, что имущественное неравенство будет выше неравенства по доходу.

«Капитал в XXI веке» — плод 15 лет работы международной команды авторов. Два самых важных имени в команде, кроме Пикетти, — Эммануэль Саез (Беркли) и Тони Аткинсон (Лондонская школа экономики). Пикетти, Саез и Аткинсон втроём «отвечают» за четыре главные страны в базе данных по богатству и доходам — World Wealth and Income Database, которая до 30 ноября 2015 г. охватывала только доходы и называлась «World Top Income Database», — Францию, США, Великобританию и Швецию. Очень многие ряды данных для других стран собраны Факундо Альваредо (Оксфорд). Не может не вызывать восхищение то, что абсолютно все данные Пикетти и его соавторы выкладывают в открытый доступ, так что все результаты можно воспроизвести или пересчитать для альтернативных предположений сведения макроэкономических рядов. Данные из разрозненных источников нужно «приводить к общему знаменателю», в процессе чего неизбежны допущения, но общие выводы оказываются достаточно устойчивыми к выбору допущений.

На данный момент в базе 33 страны. Временной период, для которого есть данные, различается по странам: для Франции, например, данные есть с конца XIX века; для Уругвая — только с 2009 г. Неравенство по доходу оценивается на основе налоговых деклараций, так что по году введения подоходного налога в стране можно сказать, примерно с какого года в базе Пикетти по этой стране появятся данные о долях богатейших граждан в национальном доходе. Так, в Швеции подоходный налог ввели в 1862 г., в США — в 1913 г. (хотя некоторое время он существовал и в XIX веке), во Франции — в 1914 г. То, что об эволюции неравенства по доходам помогают рассказать декларации о доходах, об эволюции имущественного неравенства рассказывают декларации о наследстве, которые появляются вместе с введением налога на наследство.

Основной вывод Пикетти состоит в том, что эволюция доли доходов богатейших жителей развитых стран в национальном доходе выглядит примерно как буква *U*. Первого максимума неравенство достигает перед Первой мировой войной. В 1913–1948 гг. происходит сжатие неравенства; в 1950–1970-е гг. уровень неравенства стабилизируется, а с начала 1980-х гг. оно начинает расти и сегодня находится на уровне, сопоставимом со своим прежним пиковым значением перед Первой мировой войной. Такой разворот Пикетти объясняет тем, что топ-менеджеры крупных корпораций практически сами назначают себе зарплаты. Подобный институциональный захват корпораций топ-менеджерами острее всего проявляется в США и лишь в меньшей степени — в других странах. Иными словами, система работает в пользу наиболее богатых.

Хотя рост неравенства начался в США уже в 1980-е гг., до статьи Пикетти и Саеза [Piketty, Saez 2003] мало кто из экономистов обращал внимание на неравенство. Распространено было мнение о том, что неравенство действительно имеет форму буквы *U*, только перевернутой (эта кривая называлась кривой Кузнецца), то есть снижается со временем. Правда, Пол Кругман ещё в начале 1990-х гг. писал в «New York Times», что 60% роста дохода в 1977–1989 гг. достались 1% богатейших американцев, но внимание к неравенству Пола Кругмана было исключением. Макроэкономисты в 1990-е гг. были увлечены совокупными показателями — долями дохода и капитала, — и в их моделях распределению дохода не уделялось внимания. Специалистов по экономике труда интересовала главным образом разница в заработках представителей различных социальных групп (в зависимости от образования, пола, расы), но большая часть таких данных собиралась на основе опросов, в которых доходы всегда измеряются до какого-то верхнего порога. Последний вариант ответа на вопрос о доходе мог быть, например, «больше 100 тыс. дол. в год». Увидеть, как распределены по доходам богатейшие граждане, на основе такой выборки (специалисты называют её цензурированной) нельзя. Ещё сложнее было увидеть картину имущественного неравенства, но и она следует похожей траектории.

Для объяснения обнаруженных тенденций Пикетти предлагает три «фундаментальных закона капитализма». Выпишем их формулировки.

Первый фундаментальный закон капитализма утверждает, что доля капитала в национальном доходе будет равна средней доходности капитала, умноженной на соотношение капитала и дохода. Например, если имущество (капитал) равно шести годам национального дохода данного общества (600%), а средняя доходность равна 5%, то доля капитала в национальном доходе рассчитывается как $600\% \times 5\% = 30\%$ (с. 67). Этот закон является простым бухгалтерским тождеством, что видно, если расписать все три переменные [Ray 2014: 6]:

$$\frac{\text{Капитальный доход}}{\text{Совокупный доход}} = \frac{\text{Капитальный доход}}{\text{Запас капитала}} \times \frac{\text{Запас капитала}}{\text{Совокупный доход}}$$

Второй фундаментальный закон капитализма гласит, что в долгосрочном периоде соотношение между капиталом и доходом должно быть равно отношению чистой нормы сбережений к темпу роста экономики. Следовательно, «страна, которая много сберегает и растёт медленно, в долгосрочной перспективе накапливает огромный объём капитала, что, в свою очередь, может серьёзно влиять на социальную структуру и распределение богатства» (с. 71). Вывести этот закон нетрудно, так как он тоже представляет собой бухгалтерское тождество: начните с наблюдения, что сбережения за вычетом амортизации равны разнице между запасом капитала завтра и запасом капитала сегодня [Ray 2014: 7].

Третий фундаментальный закон капитализма анонсируется в самом начале книги: «Если уровень доходности капитала устойчиво превышает показатели роста производства и доходов, как это было в XIX веке и как, вполне вероятно, будет в веке двадцать первом, капитализм автоматически создаёт нетерпимое, произвольное неравенство и ставит тем самым под удар меритократические ценности, которые лежат в основе наших демократических обществ» (с. 20). Математически этот закон выражается формулой $r > g$. Как работает этот закон? Уровень доходности капитала — это (грубо говоря) то, что получают капиталисты. Темп экономического роста — это (грубо говоря) то, что получает обычный гражданин, или то, сколько в среднем экономика генерирует дохода в год. Когда уровень доходности капитала превышает темпы экономического роста, неравенство между теми, у кого есть капитал, и теми, у кого его нет, растёт. Хотя из-за войн, депрессий и организованного политического действия время от времени неравенство может падать, в долгосрочном периоде капитализм системно воспроизводит неравенство: систематическое выполнение неравенства $r < g$ абсурдно — зачем тогда вообще вкладываться в капитал?

Формула $r > g$ будет определять неравенство в XXI веке (отсюда название книги). Рост неравенства в развитых странах в последние 30 лет сам по себе не связан с этой формулой; он связан с уже упоминавшимся выше ростом доходов топ-менеджеров. Интересно наблюдать, как в опросе американских экономистов в ответ на вопрос: «Самым главным фактором увеличения неравенства в США с 1970-х гг. была разница между доходностью на капитал и темпом роста экономики?» — звучит единогласное: «Нет». В том числе от соавтора Пикетти — Эммануэля Саеза. Разумеется, ответ самого Пикетти на этот вопрос был бы тоже отрицательным². Если авторы опроса хотели проверить отношение других экономистов к тому, что Пикетти на самом деле утверждал в своей работе, им стоило задать другой вопрос.

У Пикетти есть рецепт борьбы с ростом неравенства: организованное давление на демократически избранных лидеров с целью повышения налогов. Пикетти часто называют кейнсианцем, но нет ничего более ошибочного. Кейнсианская экономическая теория описывает, как из-за наличия несовершенного гибких цен государство может влиять на совокупный спрос в краткосрочном периоде для сглаживания колебаний выпуска и занятости. Ничего подобного в книге Пикетти нет; нельзя записывать в кейнсианцы всех экономистов, которые предполагают хотя бы какую-то активную роль государства в экономике.

Тем не менее именно государство оказывается единственным механизмом, позволяющим гражданам защитить себя от растущего неравенства, которое грозит подорвать базовые гражданские институты. Для начала необходимо активное применение прогрессивного подоходного налога: «Использование конфискационных ставок на вершине иерархии доходов не только возможно, но и представляется единственным способом сдерживать злоупотребления, имеющие место в руководстве крупных компаний. По нашим расчётам, оптимальный уровень верхней ставки в развитых странах должен был бы превышать 80%» (с. 517). Но мало облагать налогом *поток*; нужно остановить рост неравенства в

² Результаты опроса см.: URL: http://www.igmchicago.org/igm-economic-experts-panel/poll-results?SurveyID=SV_5v7Rxbk8Z3k3F2t

запасах. Отсюда самое спорное предложение Пикетти: мировой глобальный налог на капитал в размере 1–2%. Ставка кажется скромной, но примите во внимание, что это *ежегодный налог на запас капитала*.

Стоит заметить, что политические предложения Пикетти кажутся нереалистичными только на первый взгляд. Опыт борьбы Евросоюза с офшорами, в том числе отмена печально известных швейцарских законов о тайне вклада, показывает, что организованные усилия нескольких крупных игроков способны если не развернуть, то приостановить бегство капиталов из стран с высоким налогообложением.

Критика хорошая и плохая

Дело рецензента — критиковать книгу. Но количество рецензий на книгу Пикетти и так уже слишком велико. Некоторую критику можно отбросить сразу, с порога. Например, марксисты пишут, будто Пикетти не понимает, что капитал — это общественное отношение. Однако у них просто своё определение капитала. Билл Гейтс полагает, что облагать налогом стоит лишь тех миллиардеров, которые тратят деньги на роскошную жизнь, а не на благотворительность. Гейтс не развивает мысль о наиболее пугающих последствиях растущего неравенства, связанных с тем, что богатые будут подрывать демократические институты, скупая депутатов оптом (это упущение в статье тем более поразительно, что, по собственному признанию, Пикетти говорил об этом с Гейтсом). Многие критики упражняются в перечислении той литературы, которую стоит прочитать Пикетти; в списке почти всегда оказываются работы по фискальной социологии и формальной политологии.

Но ряд критических работ заслуживают упоминания. Особую известность приобрели четыре текста — журналиста «Financial Times» Криса Джайлза [Giles 2014], профессора Нью-Йоркского университета Дебража Рея [Ray 2014], макроэкономистов Пера Крузеля и Тони Смита [Krusell, Smith 2014] и экономиста-аспиранта Массачусетского технологического института Мэтта Ронли [Rognlie 2014]. Все четыре текста появились в течение трёх месяцев после выхода английского перевода книги.

Крис Джайлз утверждает, что в данных Пикетти ему удалось обнаружить целый ряд ошибок, произвольных корректировок и непрописанных предположений [Giles 2014]. Он подробно описывает их в своём блоге. Например, имущество 10% самых богатых британцев, согласно опросу об имуществе и активах, составило лишь 44% от национального дохода, а не 71%, как в данных Пикетти. Это расхождение вызвало у Джайлза желание разобраться, и оказалось, что подобных нестыковок в работе Пикетти очень много. Критика Джайлза легла на благодатную почву: в 2014 г. ещё не забылся скандал со статьёй экономистов Кармен Райнхарт и Кеннета Рогоффа, когда ошибки в экселевской формуле радикально изменили получившийся результат (в отличие от Пикетти, Райнхарт и Рогофф не выкладывали свои данные в открытый доступ)³.

Газета «Financial Times» дала Пикетти на ответ один (!) день: он выпустил краткий ответ, а затем, через несколько недель, более подробный. Большая часть претензий Джайлза вызвана тем, что он не понимает, как строятся исторические ряды из различных источников. Например, Джайлз удивляется, почему данные, которые в исходном источнике были записаны за 1908 г., стоят за 1910 г. (похожих «смещений» очень много), но в книге и техническом приложении Пикетти объ-

³ См. подробнее: Экономическое «открытие» оказалось ошибкой в таблице Excel. *LENTA.RU*, 18 апреля 2013 г. URL: <http://lenta.ru/news/2013/04/18/excelerror/> — Примеч. ред.

ясняет, что для построения рядов использует десятилетние средние, так как исходные ряды содержат слишком много краткосрочной волатильности, в основном из-за изменения цен активов. Хотя Пикетти в начале книги оговаривает, что все источники и описания того, как данные были преобразованы, лежат онлайн, Джайлз не потрудился их прочесть; отсюда большая часть критики «непрописанных предпосылок» при корректировке. Когда Джайлз предлагает свои версии корректировок, они оказываются хуже, чем те, что предлагает Пикетти, так как не учитывают разницу в источниках данных — между опросами и налоговыми декларациями.

Сама по себе эта критика не заслуживала бы внимания, но в нескольких лекциях о Пикетти, читаемых в России, автор настоящей рецензии встретил утверждения о том, что «Financial Times» опровергла Пикетти. Пока эта история не превратилась в «то ли он украл, то ли у него украли, но история тёмная», нужно прояснить: претензии к данным Пикетти полностью несостоятельны. Претензии к теории Пикетти — другое дело.

В двух важных статьях специалистов по макроэкономической теории критически рассматриваются предложенные Пикетти «фундаментальные законы капитализма».

Основной мишенью атаки Крузеля и Смита является второй фундаментальный закон, в котором соотношение капитала и дохода связывается с соотношением нормы сбережения и темпов роста [Krusell, Smith 2014]. Казалось бы, простое тождество не должно вызывать вопросов. Проблема, с точки зрения Крузеля и Смита, однако, состоит в том, что простое тождество не является простым. За соотношением макроэкономических переменных стоят люди, которые принимают решения в экономике. Макроэкономика пришла к необходимости моделировать это поведение и, в частности, к пониманию того, что норма сбережений и темп роста дохода не являются независимыми переменными. Крузель и Смит показывают, что по мере снижения темпов роста до нуля подразумеваемая в модели Пикетти норма сбережения должна достигать единицы. Разумеется, это плохое свойство для модели — люди не могут сберегать весь полученный доход.

Гораздо большую известность в экономическом сообществе получила эмоциональная заметка специалиста по экономике развития Добража Рея, который показывает, что выполнение математического неравенства $r > g$ не гарантирует роста неравенства доходов в обществе [Ray 2014]. Можно представить себе ситуацию, когда при выполнении $r > g$ неравенство по доходам даже будет снижаться. В личном разговоре с автором этой рецензии Пикетти признал, что эта критика верна: хотя выполнение $r > g$ оказывает *давление* в сторону роста неравенства в реальных экономиках, в принципе, оно не обеспечивает роста неравенства автоматически. Закон, таким образом, выполняется в виде тенденции (в «Капитале» Маркса тоже много подобных законов). Чем же является это условие? Рей утверждает, что под третьим фундаментальным законом капитализма скрывается хорошо знакомое всем макроэкономистам условие трансверсальности для задачи потребителя, или условие «динамической эффективности», которая требует: экономика не должна расти настолько быстро, чтобы исчезал смысл экономического роста (потребление) [Ray 2014: 9]. Иными словами, норма сбережения должна быть меньше 100%, $s < 1$. Представим себе, продолжает Рей, что выпуск линейно зависит от капитала:

$$\text{Выпуск} = r \times \text{Капитал}.$$

В такой модели r будет отдачей на капитал, $a \frac{1}{r}$ — отношением капитала к доходу. Тогда из второго фундаментального закона мы получим, что $s = g \times \frac{1}{r}$. В такой модели условия $s < 1$ и $r > g$ эквивалентны. А главное, в такой модели вообще не упоминается неравенство или распределение дохода.

Наконец, интересная критика была предложена Мэттом Ронли, аспирантом из Массачусетского технологического института [Rognlie 2014]. Он показал, что практически весь рост стоимости капитала вызван ростом стоимости *земли*. Иными словами, нам следует бояться не корпоративных боссов, а магнатов недвижимости. Это значит, что для борьбы с неравенством нужно перераспределять доход не от владельцев капитала к рабочим, а от владельцев земли ко всем остальным. Удивительно, но в XIX веке в США выдвигались похожие предложения. Упоминания американского рабочего и экономиста-самоучки Генри Джорджа и его идей о едином налоге на землю сегодня встретишь даже не в каждом учебнике по истории экономических учений. Между тем идеи единого налога были очень популярны в эпоху «Позолоченного века», на которую, как утверждает Пикетти, всё больше становится похож наш мир.

Общий вывод из почти уже двух лет обсуждений книги Пикетти выглядит примерно так: данные Пикетти настолько качественны, насколько это вообще возможно на таких временных интервалах, а выбранные им при построении рядов данных допущения устойчивы к разумным изменениям в том смысле, что общая картина при выборе альтернативных допущений не изменится. База данных World Wealth and Income Database будет оставаться главным источником для сравнительных исторических исследований неравенства на долгие годы. В отличие от данных, теоретические соображения Пикетти об эволюции неравенства в развитых странах остаются предметом горячих споров и неверных интерпретаций. Пока у экономистов нет хорошей истории, убедительно объясняющей эволюцию неравенства в последние два столетия. И такой истории точно нет в книге Пикетти, хотя в недавней работе он делает попытку построения другой, более строгой теории [Piketty, Zucman 2015]. Попытка Пикетти описать эволюцию неравенства с помощью универсального закона $r > g$ неверна со строго теоретической точки зрения и противоречит более широкому направлению в современных исследованиях капитализма, где подчёркивается существование множества «капитализмов», различия между которыми могут быть важнее сходства [Hall, Soskice 2001]. Примером такой критики является недавняя рецензия М. Альбертуса и В. Менальдо [Albertus, Menaldo 2016]. Прежде всего, они приводят множество примеров развивающихся стран, в которых наблюдается U-образная кривая неравенства, но по причинам, отличающимся от объяснения Пикетти (войны разрушили капиталы). В Индонезии и Тайване, например, спад неравенства был вызван приходом к власти популистских диктатур: и Сукарно (а вслед за ним и Сухарто), и Китайская национальная народная партия (Гоминьдан) опирались на городских и деревенских бедных, выступая против богатых элит. По мере укрепления режима эта тенденция развернулась, и режимы стали опираться на новые, лояльные элиты. Похожая ситуация наблюдалась в Южной Корее, Малайзии, Таиланде и на Филиппинах. Поскольку данные Пикетти не уходят достаточно глубоко в прошлое для большинства стран, мы вообще не можем сказать достоверно, наблюдается ли U-образная кривая где-либо ещё, кроме развитых либеральных демократий. Ясно одно: новые данные вызовут необходимость построения новых теорий, которые будут уделять больше внимания институциональному контексту и меньше исключительно макроэкономическим тождествам.

Пикетти между клиометрикой и аналитическим марксизмом

В тех случаях, когда Пикетти сам пишет о своих предшественниках (с. 29–33) и когда о его предшественниках пишут другие [Milanovic 2014: 519], называются имена Вильфредо Парето и Саймона Кузнеца — экономистов, которые изучали неравенство доходов на основе эмпирических данных. Связь работы Пикетти кажется очевидной, так как основана на научной методологии. Здесь мне хочется сделать шаг в сторону и задаться вопросом, какие научные традиции повлияли на отбор исследовательских вопросов, на стиль решения этих вопросов — в общем, на тот донаучный акт восприятия и анализа действительности, который Й. Шумпетер называл *видением* [Schumpeter 1949: 350]. Две парадигмы, на мой взгляд, заслуживают особого внимания — клиометрика и аналитический марксизм.

Клиометрическое движение окончательно оформилось в США к концу 1960-х гг. в группу экономических историков, которые для интерпретации истории систематически использовали экономическую теорию и анализ данных. Спустя 10 лет Д. Макклоски определил клиометриста как «экономиста, который применяет экономическую теорию (обычно простую) к историческим фактам (не всегда количественным) в интересах истории (а не экономики)» [McCloskey 1978: 15]. Это определение до сих пор актуально, но с поправкой: экономическая теория и эконометрические процедуры оценивания, применяемые современными клиометристами, усложнились до уровня, который считается обычным в экономической профессии. Клиометрика вскоре стала единственным способом делать экономическую историю: использовавшие качественные методы историки, изучавшие экономику, вплоть до сегодняшнего дня называют себя не экономическими, а социальными историками. Разделение отражается трудоустройством: «новые экономические историки» работают на экономических факультетах, а социальные историки — на исторических. Отношение традиционных историков к клиометристам остаётся неоднозначным. Клиометристов упрекают в фетишизации количественных показателей и в недостаточном внимании к качественным источникам. Кроме того, клиометристы работают с экономическими моделями, в которых очень часто используется предположение о рациональности, а формальная вневременная рациональность *homo economicus* противоречит представлениям большинства историков о том, что «прошлое — другая страна». В то же время сами социальные историки количественных исследований либо не замечают, либо используют их в своей работе, вырывая из контекста, что приводит к печальным результатам: в 2015 г. мы вынуждены читать о том, например, что британская Промышленная революция не была бы возможна без хлопка из США (а следовательно, капитализм невозможен без рабства).

В работе новых экономических историков с самого начала прослеживалась некая двойственность. Прежде всего, многих из них интересовало приложение экономической теории к историческим данным. Утверждалось, что экономическая теория позволяет давать лучшие, чем разного рода социологические теории, интерпретации для исторических событий (причём не только в экономике, но и в политике и демографии). При интерпретации событий у историка есть объяснительная схема, и она только выиграет, если будет записана формально, так как явными станут все её предпосылки и следствия. Такой подход, в котором рассказ о событиях дополняется математической (обычно теоретико-игровой) моделью, с доказательством теорем, получил название «аналитический нарратив». В этом направлении работали такие учёные, как Дуглас Норт, Авнер Грейф и Барри Вайнгаст. Для аналитического нарратива ряды данных имеют меньшее значение, чем качественные свидетельства о происходивших событиях: в этом отношении аналитический нарратив ближе к традиционной истории, чем ранняя клиометрика. К моменту начала научной карьеры Пикетти этот подход стал господствующим. В большинстве современных работ, эмпирически изучающих институты, рассматривается *всего один* институт, что, впрочем, не исключает использования количественных данных [Dell 2010; Acemoglu, García-Jimeno, Robinson 2012].

Но были и такие экономические историки, которым казалось более важным систематически анализировать *количественные данные* о прошлом. Для сравнения прошлого с настоящим им приходилось допускать явные анахронизмы, что делало их лёгкой мишенью для критики «обычных» историков. У Валлерстайна есть статья о том, что Индии не существовало. Что же говорить о ВВП Великобритании в 1000 г.! В 1000 г. не существовало ни Великобритании, ни понятия о ВВП; многие считают, что рынка тоже не существовало (ВВП взвешивает произведённые в экономике товары по рыночным ценам). Но на той территории, которую сейчас занимает Великобритания, жили люди, которые производили и потребляли, и сравнивать то, насколько больше мы производим и потребляем сегодня, чем они тогда, не совсем бессмысленное занятие. Это направление получило название «история серий», или «история временных рядов». Основной вклад в него внесли демографы и те экономисты, которых интересовал долгосрочный рост экономик.

Аналитические нарративы и история серий не противоречили друг другу, а, скорее, дополняли. Тем не менее напряжение между направлениями возникло достаточно быстро. Изучая историю, экономисты всё больше понимали важность институтов — правил, норм, убеждений и организаций, которые обуславливают повторяющееся взаимодействие в обществе. Но построить для институтов аналоги экономических рядов оказалось непросто. Стандартам жизни сегодня можно подобрать некоторый объективный аналог, существовавший и вчера (например, потребляемые калории). Человеческий рост тоже неплохо отражает качество жизни, по крайней мере, в детстве, что делает возможным сравнения. Но как сравнить качество управления Вильгельма Завоевателя и Иосифа Сталина? Был ли второй большим тираном, чем первый, и если был, то на сколько «баллов»?

Проблема же оказалась в том, что без таких временных рядов для институтов очень непросто изучать их эволюцию. Аналитические нарративы концентрировались на одном-двух институтах (скажем, на многостороннем принуждении к исполнению договоров у купцов-магрибцев и независимых судах в Генуе), чтобы сделать из их эволюции масштабные выводы (Запад развил анонимное право, которое впоследствии привело к взрывному росту, а Восток оказался заперт в институциональной ловушке). Но для масштабных выводов аналитическим нарративам явно не хватало аргументов: самой большой проблемой стала демонстрация того, как изначальные институциональные различия сохраняются и определяют сегодняшние различия в экономических исходах — так называемая проблема устойчивости (*persistence*) институтов.

Пикетти принадлежит к тем экономическим историкам, которые развернулись от аналитических нарративов обратно, к истории серий. Если макроэкономические данные построены с достаточной точностью, для разных стран и за длительный период, можно рассуждать о роли институтов, но данные — это основа. В «Капитале в XXI веке» Пикетти сознательно уходит от теорий, столь любимых аналитическими рассказчиками; его законы капитализма вовсе не законы; в каждом своём публичном выступлении он говорит о важности «демократизации знания».

Аналитический марксизм — вторая традиция, сформировавшая Тома Пикетти. Аналитическими марксистами называла себя в 1980-е гг. группа англоязычных исследователей, которая собиралась каждые два года, в сентябре (отсюда другое название — Сентябрьская группа), для обсуждения вопросов философии и общественных наук. Аналитических марксистов интересовали вопросы, важные для марксистской теории: классовая борьба и эксплуатация, революции и исторический детерминизм; в качестве подходов они использовали аналитические рассуждения и формальные математические модели. Неофициально сами участники называли свою группу «Марксизм без ерунды» (*Non-Bullshit Marxism*), и все понимали, что под «ерундой» имеется в виду прежде всего диалектический материализм, но также и трудовая теория стоимости. Из группы вышло много исследователей, которые впоследствии порвали с марксизмом и прославились в самых различных областях общественных наук. В их числе Адам Пржеворски (эмпирическая политология), Юн Эльстер (социология), Джон Рёмер (формальная политология и теории справедливости), Сэм Боулз (поведенческая экономика). Однако ещё один член группы, Эрик Олин Райт, остался убеждённым марксистом (в социологии с этим, в принципе, было легче, хотя всё равно представляло некий вызов). Райт утверждает, что называть себя марксистом означает для него «объявить о своей солидарности с борьбой против капитализма, классового неравенства и угнетения» [Wright 2006: 18–19].

Критики группы часто задавались вопросом: что же осталось в аналитическом марксизме от марксизма, учитывая центральный для этой теории характер как трудовой теории стоимости, так и диалектического метода? Помимо «объявления о солидарности», упомянутого Райтом, чаще всего отмечался интерес группы к вопросам, которые интересовали Маркса. Отмечалось: хотя сам Маркс и утверждал, что использует диалектический метод, в большинстве работ он рассуждает во вполне аналитическом

духе. В частности, многие из его рассуждений созвучны идеям о необходимости микрооснований для макротеорий: совокупные феномены должны выводиться из действий людей, которые (особенно при капиталистическом способе производства) стремятся к собственной выгоде [Little 1986].

После распада группы, в начале 1990-х гг., немногие исследователи публично ассоциировали себя с аналитическим марксизмом, так что говорить о «втором поколении» аналитического марксизма, вероятно, неправомерно. Тем не менее Тома Пикетти был среди немногих молодых исследователей, называвших себя «аналитическими марксистами». Такое позиционирование себя тем более удивительно, что, насколько мне известно, Пикетти никогда не принимал участия в собраниях Сентябрьской группы, когда они ещё проводились, а в своих работах он не ссылается на других аналитических марксистов.

Конечно, никто из группы прямо не занимался вопросами количественного измерения неравенства. Но книга «Капитал в XXI веке» вполне укладывается в исследовательскую программу аналитических марксистов. Схема «методология экономического мейнстрима плюс марксистская проблематика» очень хорошо описывает книгу Пикетти (с оговорками относительно тенденций в клиометрике, отмеченными выше; но это уже совсем детали).

Представляется, что закат школы аналитического марксизма связан не только с разочарованием от распада советского блока и пониманием на Западе всех недостатков жизни при реальном социализме. Соображения индивидуальной научной карьеры тоже сыграли свою роль. Аналитические марксисты не дождалась признания от экономического мейнстрима: несмотря на то что их работы были написаны на языке математики, они никого не заинтересовали. В то же время в обвинениях со стороны «неаналитических» марксистов не было недостатка. Хотелось бы выразить надежду, что работа Пикетти вызовет у молодых исследователей не только интерес к истории серий, но и интерес к изучению истории капитализма с помощью строгих формальных методов, в том числе и на российском материале.

Заключение

Книга Пикетти поднимает важные вопросы, а созданная его командой база данных уже приобретает среди исследователей культовый статус, аналогичный данным Энгаса Мэддисона. Но, возможно, перед нами случай, когда направление движения едва ли не важнее проделанной работы. Нехватка анализа в длительном времени (*longue durée*) сегодня ощущается очень остро, и попытка задаться большими вопросами о развитии обществ неизменно упирается в скудность имеющихся данных. Хочется верить, что книга Пикетти не одиночное явление, а симптом большого разворота общественных наук в сторону основанного на последовательно собранных и открытых данных рассмотрения эволюции наших обществ. Что нас ждёт на этом пути?

Одно из перспективных направлений состоит в том, чтобы рассмотреть эволюцию неравенства в более далёком прошлом. К сожалению, данные налоговых деклараций до XIX века отсутствуют. Экономические историки вводят в оборот новые источники и пытаются интерпретировать их таким образом, чтобы они показывали эволюцию имущественного неравенства. Большую популярность в последние годы приобрели исследования «социальных таблиц» — источников, в которых учёные прошлого описывали общество с точки зрения составляющих его социальных классов и их среднего дохода [Milanovic, Lindert, Williamson 2011], а также данные антропометрии, когда о неравенстве пытаются судить по разбросу в длине костей, принадлежащих к одному и тому же историческому периоду [Voix, Rosenbluth 2014]. Предпринимаются попытки оценить жизненные стандарты и неравенство в Римской империи на основании сохранившихся документов (например, эдикта Диоклетиана о максимальных ценах).

Ещё одно направление связано с дальнейшей дезагрегацией данных и увеличением измерений неравенства. Какой была эволюция неравенства в образовании и продолжительности жизни в развитых странах? Насколько велико неравенство между различными группами в обществе — мужчинами и женщинами, этническими группами, — и как оно изменялось?

Наконец, с ростом числа баз данных, уходящих глубоко в историю, мы увидим больше описательных исследований, в которых данные из этих баз соединяются для ответа на новые вопросы. У нас есть данные Пикетти и данные о межстрановых и внутривосточных конфликтах за два столетия из базы *Correlates of War* («Факторы войны»). Есть ли статистическая связь между уровнем неравенства и конфликтами? Таких исследований будет всё больше. Кросс-страновые исследования не теряют свою популярность, даже несмотря на то что на их основании крайне затруднительно вывести причинно-следственную связь, а природа данных порой делает корреляции бессмысленными. Но существование корреляции в данных само по себе полезное знание, пренебрегать которым не стоит.

Хотелось бы задаться ещё одним вопросом. Аналитический марксизм за три десятка лет до Пикетти пытался говорить о неравенстве и классовых противоречиях на языке экономического мейнстрима, но не был услышан. Что же такого есть в работе Пикетти, чего не было в аналитическом марксизме *sensu stricto*⁴? Работы аналитических марксистов носили главным образом теоретический характер и были очень сильно привязаны к работам самого Маркса. Безусловно, важно понять, что в работах Маркса «имеет смысл», а от чего необходимо отказаться. Но, плохо это или хорошо, упражнения в интеллектуальной истории не так популярны среди экономистов, как поиск ответов на новые вопросы или, как в случае Пикетти, поиск новых ответов на старые вопросы.

Литература

- Acemoglu D., García-Jimeno C., Robinson J. A. 2012. Finding Eldorado: Slavery and Long-Run Development in Colombia. *Journal of Comparative Economics*. 40 (4): 534–564.
- Albertus M., Menaldo V. A. 2016. Capital in the Twenty-First Century — In the Rest of the World. *Annual Review of Political Science*. 19: 4.1–4.18.
- Boix C., Rosenbluth F. 2014. Bones of Contention: The Political Economy of Height Inequality. *American Political Science Review*. 108 (01): 1–22.
- Dell M. 2010. The Persistent Effects of Peru's Mining Mita. *Econometrica*. 78 (6): 1863–1903.
- Giles C. 2014. Data Problems with Capital in the 21st Century. *Financial Times*. 23 May. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/capital21c/en/media/FT23052014c.pdf>
- Hall P. A., Soskice D. 2001. *Varieties of Capitalism*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.
- Krusell P., Smith A. 2014. Is Piketty's «Second Law of Capitalism» Fundamental? Mimeo. 28 May. URL: <http://www.voxeu.org/article/piketty-s-second-law-capitalism-vs-standard-macro-theory>
- Little D. 1986. *The Scientific Marx*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- McCloskey D. N. 1978. The Achievements of the Cliometric School. *The Journal of Economic History*. 38 (01): 13–28.

⁴ В узком смысле (лат.). — Примеч. ред.

- Milanovic B., Lindert P. H., Williamson J. G. 2011. Pre-Industrial Inequality. *The Economic Journal*. 121 (551): 255–272.
- Milanovic B. 2014. The Return of «Patrimonial Capitalism»: A Review of Thomas Piketty's Capital in the Twenty-First Century. *Journal of Economic Literature*. 52 (2): 519–534.
- Ray D. 2014. *Nit-Piketty*. Mimeo. 23 May. URL: <http://www.econ.nyu.edu/user/debraj/Papers/Piketty.pdf>
- Rognlie M. 2014. *A Note on Piketty and Diminishing Returns to Capital*. Mimeo. 15 June. URL: http://www.mit.edu/~mrognlie/piketty_diminishing_returns.pdf
- Piketty T., Saez E. 2003. Income Inequality in the United States, 1913–2002. *Quarterly Journal of Economics*. 118 (1): 1–39.
- Piketty T., Zucman G. 2015. Wealth and Inheritance in the Long Run. In: Atkinson A. B., Bourguignon F. (eds). *Handbook of Income Distribution*. Vol. 2. Amsterdam: Elsevier; 1303–1368.
- Schumpeter J. A. 1949. Science and Ideology. *American Economic Review*. 39 (2): 345–359.
- Tarrit F. 2006. A Brief History, Scope, and Peculiarities of «Analytical Marxism». *Review of Radical Political Economics*. 38 (4): 595–618.
- Wright E. O. 2006. Falling into Marxism, Choosing to Stay. In: Sica A., Turner S. (eds). *The Disobedient Generation: Social Theorists in the 1960s*. Chicago: University of Chicago Press; 325–352.

NEW BOOKS

Daniel Shestakov

On Inequality of Outcomes

Book review: Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century], Moscow: Ad Marginem (in Russian); tr. from: Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press.

SHESTAKOV, Daniel —
Economic Analyst, Monetary
Policy Department, Bank
of Russia. Address:
12 Neglinnaya str., Moscow,
107016, Russian Federation.

Email: shestakovde@cbr.ru

Abstract

The much awaited appearance of the Russian translation of *Capital in the Twenty-First Century* by Tomas Piketty marks a milestone, and also brings an occasion to discuss the book's main arguments as well as the arguments of its critics. Piketty charts the evolution of income and capital inequality in developed nations through the last two centuries. He states that despite what has been said in previous literature, inequality evolves in a *U*-shaped pattern with the bottom of the *U* being the three postwar decades. Piketty suggests that capitalism is hardwired to increase inequality due to what he calls three fundamental laws of capitalism. The most important third law states that inequality will grow as long as return on capital (*r*) is greater than output growth rate (*g*). While Piketty's data seems like an accurate description of what occurs, Piketty's theory had been met in a most unwelcome manner. Critics claimed that Piketty's laws are not laws at all, and are actually either accounting identities or plainly incorrect statements. In this review, I also trace Piketty's work to two particular traditions in social sciences: cliometrics — particularly the version known as series history — and to analytical Marxism. Seeing both of these traditions will help us to place Piketty's book within the context of twentieth-century social science rather than isolated phenomena.

Keywords: inequality; analytical marxism; cliometrics; economic history; redistribution; *longue durée*.

References

- Acemoglu D., García-Jimeno C., Robinson J. A. (2012) Finding Eldorado: Slavery and Long-Run Development in Colombia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 40, no 4, pp. 534–564.
- Albertus M., Menaldo V. A. (2016) Capital in the Twenty-First Century — In the Rest of the World. *Annual Review of Political Science*, no 19, pp. 4.1–4.18.
- Boix C., Rosenbluth F. (2014) Bones of Contention: The Political Economy of Height Inequality. *American Political Science Review*, vol. 108, iss. 01, pp. 1–22.
- Dell M. (2010) The Persistent Effects of Peru's Mining Mita. *Econometrica*, vol. 78, no 6, pp. 1863–1903.
- Giles C. (2014) Data Problems with Capital in the 21st Century. *Financial Times*, 23 May. Available at: <http://piketty.pse.ens.fr/files/capital21c/en/media/FT23052014c.pdf> (accessed 14 January 2016).
- Hall P. A., Soskice D. (2001) *Varieties of Capitalism*, Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.

- Krusell P., Smith A. (2014) *Is Piketty's "Second Law of Capitalism" Fundamental?* Mimeo. 28 May. Available at: <http://www.voxeu.org/article/piketty-s-second-law-capitalism-vs-standard-macro-theory> (accessed 14 January 2015).
- Little D. (1986) *The Scientific Marx*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- McCloskey D. N. (1978) The Achievements of the Cliometric School. *The Journal of Economic History*, vol. 38, iss. 01, pp. 13–28.
- Milanovic B., Lindert P. H., Williamson J. G. (2011) Pre-Industrial Inequality. *The Economic Journal*, vol. 121, no 551, pp. 255–272.
- Milanovic B. (2014) The Return of “Patrimonial Capitalism”: A Review of Thomas Piketty’s Capital in the Twenty-First Century. *Journal of Economic Literature*, vol. 52, no 2, pp. 519–534.
- Ray D. (2014) *Nit-Piketty*. Mimeo. 23 May. Available at: <http://www.econ.nyu.edu/user/debraj/Papers/Piketty.pdf> (accessed 14 January 2015).
- Rognlie M. (2014) A Note on Piketty and Diminishing Returns to Capital. Mimeo. 15 June. Available at: http://www.mit.edu/~mrognlie/piketty_diminishing_returns.pdf (accessed 14 January 2016).
- Piketty T., Saez E. (2003) Income Inequality in the United States, 1913–2002. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 118, no 1, pp. 1–39.
- Piketty T., Zucman G. (2015) Wealth and Inheritance in the Long Run. *Handbook of Income Distribution*, vol. 2 (eds. A. B. Atkinson, F. Bourguignon), Amsterdam: Elsevier, pp. 1303–1368.
- Tarrit F. (2006) A Brief History, Scope, and Peculiarities of “Analytical Marxism”. *Review of Radical Political Economics*, vol. 38, no 4, pp. 595–618.
- Wright E. O. (2006) Falling into Marxism, Choosing to Stay. *The Disobedient Generation: Social Theorists in the 1960s* (eds. A. Sica, S. Turner), Chicago: University of Chicago Press, pp. 325–352.

Received: December 27, 2015

Citation: Shestakov D. (2016) O neravenstve iskhodov [On Inequality of Outcomes]. Book Review on Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century], Moscow: Ad Marginem (in Russian); tr. from: Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 1, pp. 99–112. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/en/2016-17-1.html> (in Russian).